Трибуна молодого журналиста

№1(55) январь–февраль 2005

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗАДЕРАЦКИЙ

В тихий, ничем не примечательный зимний вечер 21 декабря музыкальная Москва жила своей обыкновенной жизнью. Да и в консерватории всё было по-обычному. Очередной концерт. Собирается публика, весьма немногочисленная, можно сказать, элитарная. Конечно, это не толпы, которые собирает Спиваков, Гергиев или другие знаменитости. Между тем, эти люди собрались для того, чтобы стать свидетелем события не менее примечательного, нежели выступление прославленных маэстро. Послушать Брамса в исполнении Спивакова или Прокофьева в интерпретации Гергиева — истинное наслаждение, но, вцелом, вполне доступное, а для кого-то даже обыденное. А в этот вечер на музыкальном небосклоне загорелась новая звезда. Точнее хорошо забытая старая. Лишь немногим известно имя В. П. Задерацкого (1891–1953). Так было еще при жизни этого замечательного человека. Ситуация не изменилась и после его смерти.

Он был учеником Ипполитова-Иванова и Танеева, считавших его исключительно одаренным музыкантом. На студента Московской консерватории также обратил внимание А.Н.Скрябин. В 1920-е известное издательство «Peters» публиковало сочинения талантливого композитора из Советской России. Почему же его имя оказалось вычеркнутым из истории? Задерацкого постигла судьба многих замечательных людей того времени: лагеря, лишение прав и т. п. Была стерта вся память о нем. Он оказался забытым и, надо сказать, абсолютно незаслуженно. И вот настало время возродиться из небытия творчеству этого выдающегося композитора. Его музыка вновь зазвучала, причем именно в том зале (Малом), в котором он некогда исполнял свои первые опусы. Перед началом концерта меня обуревало множество вопросов. Что за композитор? Что за музыка? Тональная или нет? Есть ли у композитора свой ярко выраженный стиль? И, наконец, насколько хороша эта музыка?

Уже первое сочинение — Прелюдия и фуга g-moll (из цикла «24 прелюдии и фуги», 1937), исполненная В. Парамоновым дала ответы на все вопросы. Другие опусы лишь подтвердили мои выводы. Оказалось, это замечательная музыка, принадлежащая перу подлинного мастера! Импонировали напряженная лирика, особая песенность прелюдии и фуги, объединенных общей тональностью, эмоциональным строем, интонацией тритона. И все это на глубоко русской основе. Контрастом прозвучала G-dur'ная прелюдия и фуга — жизнерадостное искрометное скерцо.

Гвоздем программы, без сомнения, был цикл 24-х прелюдий во всех тональностях (1934), исполненный А. Райхельсоном. Поразила исключительная изобретательность и фантазия композитора, богатство красок и найденных решений. Особенно запомнились A-dur'ная прелюдия, с ее изумительной проникновенной лирикой и безудержный вихрь gis-moll'ной прелюдии. Порою в звучаниях проносились аллюзии на музыку других композиторов. Так, в гротесковом скерцо a-moll'ной прелюдии угадывались прокофьевские нотки. «Затонувший собор» Дебюсси всплыл в e-moll'ной прелюдии. Дыхание рахманиновской мелодики чувствовалось в g-moll'ной прелюдии. Но все это, конечно же, ни в коем случае нельзя причислить к разряду плагиата; это аллюзии и не более того. В каждой прелюдии угадывался неповторимый стиль В.П.Задерацкого. Пожалуй это стало для меня самым большим открытием. Ведь есть на свете куда более известные композиторы, авторский стиль которых трудноуловим.

После перерыва А. Райхельсон озвучил пьесу «Взморье» (1939), а В. Парамонов — Шестую фортепианную сонату (1940). Из них более интересной представляется соната — трехчастный цикл с драматической 1-ой частью, лирической песенной 2-ой и быстрым активным финалом. Несмотря на традиционное решение традиционного жанра, соната приятно удивляет свежестью тематического материала и мастерством его разработки, ставящим это сочинение в один ряд с сонатами Глазунова, Метнера, Скрябина.

В заключение прозвучали 8 романсов на стихи русских поэтов в исполнении А. Захарова (тенор) и сына композитора, профессора В. В. Задерацкого (фортепиано). Эти опусы доказывают мастерство автора не только в области фортепианной музыки, но и вокальной. Есть сведения о том, что В.П.Задерацкий писал также симфоническую музыку и оперы. Но эти сочинения до нас не дошли. Поэтому остается только поблагодарить организаторов концерта и исполнителей за то, что они предоставили возможность познакомиться с сохранившимся творчеством этого замечательного композитора. И низко поклониться его сыну, восстанавливающему память своего замечательного отца.

Илья Никольцев,
студент IV курса

НЕЗАБЫТЫЙ ПОРТРЕТ

26 октября в Рахманиновском зале консерватории состоялся уникальный концерт: прозвучали сочинения Михила Фабиановича Гнесина, которые не исполнялись на концертной эстраде уже более четверти века. Идея этого концерта-портрета принадлежала доценту кафедры истории русской музыки Екатерине Сергеевне Власовой. На протяжении вечера музыкальные номера сопровождались обширными биографическими и историческими справками из жизни композитора.

А чтобы полнее все представить, в антракте зрителей пригласили на выставку архивных материалов жизни и творчества Михаила Фабиановича из Российского государственного архива литературы и искусства. Среди экспонатов — фотографии М.Ф.Гнесина, его родителей; учителей и друзей — Н.А.Римского-Корсакова, А.К.Глазунова, В.Э.Мейерхольда (Гнесин работал в его студии в 10-х — 20-х годах), Н.И.Забелы-Врубель (первой исполнительницы ранних романсов композитора), групповая фотография студентов Петербургской консерватории — участников первой постановки оперы «Кащей Бессмертный», фотография сцены из спектакля «Антигона» театральной студии Мейерхольда, музыку к которой Гнесин написал впоследствии. Были представлены и автографы композитора. Прежде всего, рукописи его произведений и письма (в частности, черновик письма 1931 года И.В.Сталину с просьбой посодействовать прекращению преследований композитора). Порадовали и оригинальные рисунки с необычными названиями их персонажей, навеянные, может быть, знаменитыми карандашными рисунками его учителя — А.К.Лядова. Среди автографов письма А.К.Глазунова, В.Э.Мейерхольда, Д.Д.Шостаковича, а также огромная по масштабу рукопись проповедей отца композитора — еврейского раввина Фабиана Осиповича Гнесина. Кроме того, зрителям были представлены и нотные издания произведений Гнесина, хранящиеся в Московской консерватории.

Но главным событием вечера была, конечно, сама музыка композитора. Гнесин работал преимущественно в камерных жанрах — большую часть его сочинений представляют романсы и произведения для небольших инструментальных составов. В исполнении квартета «Beit Agnon», «Credo-квартета» и солистов ансамбля «Студия новой музыки» прозвучали несколько камерных сочинений: «Соната-фантазия» (1945), «Песня странствующего рыцаря» (1917), «Сюита для струнного квартета» (1937), «Из песен моего деда» (1912), секстет «Адыгея», фортепианный квинтет «Реквием» (1912–14), посвященный памяти Михаила Врубеля. Музыка, написанная почти сто лет назад современником Стравинского, Рахманинова, Скрябина, Прокофьева, Шостаковича, оказалась новой и «свежей» для современного слушательского уха. Даже по небольшому количеству сочинений уже можно было судить об оригинальности и необычности музыкального письма композитора.

«Под занавес» ансамбль «Студия новой музыки» под управлением Игоря Дронова исполнил сюиту-гротеск «Еврейский оркестр на балу у городничего» (1926) из музыки к комедии «Ревизор». Сочинение было написано для постановки пьесы Гоголя в театре Мейерхольда, и в первых представлениях партию рояля исполнял сам Д.Д.Шостакович. Сюита, полная юмора, оригинально инструментованная, явилась отличным завершением концерта. Зрители были в восторге. Музыканты, которым явно нравилось играть это сочинение (на репетиции сюиты контрабасист даже пританцовывал в такт), так завели слушателей, что последний номер (где по сюжету неожиданно появляется настоящий Ревизор) был исполнен на бис.

Концерт, ставший первым шагом к возрождению музыки М.Ф.Гнесина, вызвал живой интерес у публики — Рахманиновский зал был полон. Хочется надеяться, что в ожидании следующего концерта слушателям не придется ждать еще четверть века, а сочинения этого замечательного композитора займут свое достойное место в репертуаре музыкальных коллективов.

Мария Карачевская,
студентка IV курса

«ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ»

... принято у нас говорить, когда речь заходит о каком-нибудь явлении азиатского происхождения, непонятном для нашего менталитета. И уж если говорить о вещах, близких музыке, то для некитайца, пожалуй, самой впечатляющей, и одновременно шокирующей оказывается Пекинская опера, один из многочисленных в Китае, и, вместе с тем, единственный по своей популярности вид китайского музыкального театра. Его неотъемлемой частью, наряду с музыкой, являются и искусство декламации, и искусство восточных единоборств, в том числе владение оружием, и акробатика с элементами циркового представления, и искусство костюмов и грима. Соответственно, актер Пекинской драмы — настоящий универсал, от которого требуется прекрасное пение, поставленная речь и отличное владение телом. Потому и обучение будущих актеров начинается уже с пятилетнего возраста.

Невероятная зрелищность Пекинской оперы стали ее визитной карточкой. Цвет, линии рисунка грима, крой одежды могут многое рассказать зрителю о герое спектакля. Так, например, красноватый цвет лица присущ положительным персонажам, говоря об их благородстве и добропорядочности. Белый цвет, наоборот, характерен для персонажей коварных и подлых. Роскошный шелковый халат золотисто-желтого цвета может принадлежать только императору, а простая синяя роба — обычному человеку. Кроме того, весьма конкретной символикой обладают и каждый жест, и движения актера, и разнообразная бутафория, подсказывая зрителю развитие сюжета.

Тем не менее, если иностранцы, как правило, смотрят Пекинскую оперу, то китайцы ее слушают. Причина таких разных подходов, по всей видимости, не столько в языке, сколько в самой музыке. Нельзя не вспомнить, пусть и столетней давности, но весьма примечательный случай, описанный известным синологом академиком В.Алексеевым: «Мне довелось быть в Пекинской опере с одним знакомым европейцем. Он не выдержал «мучений» и ушел, назвав всю оперу «кошачьим концертом». На этот комплимент китайцы отвечают вполне аналогичным, называя европейскую манеру пения «коровьим ревом» и «рычаньем тигра».

Разумеется, сейчас, в результате тотальной европеизации современное поколение китайцев полюбило западную музыку. Мы же нередко продолжаем рассуждать постаринке, приклеивая ярлык анахронизма ко всему, что не вписывается в привычные рамки. И причина такого неприятия, вероятно, кроется в несколько эгоцентристской позиции — мы до сих пор не можем допустить, что чужая культура ничем не хуже нашей, что она просто другая. И чтобы понять ее, надо либо в ней вырасти, либо к ней приобщиться. И если первое уже невозможно, а для второго нет условий, то просто попытаться расширить рамки своего восприятия вполне реально. Хотя бы ради того, чтобы не уподобляться человеку, далекому от музыки, а потому не переносящему классической оперы.

Что греха таить, когда я впервые услышала Пекинскую оперу, то ощущения были далеко не восторженные. Мужчины, поющие пронзительным фальцетом, «мяукающие» диалоги, оглушающее

звучание ударных и «взвизгивания» двухструнной скрипки — непростое испытание для уха, воспитанного на европейской музыке. Потребовалось определенное время, чтобы многое, тогда еще недоступное моему сознанию, стало постепенно переходить в разряд понимаемого. В результате же акценты в восприятии буквально развернулись на 180?! Вот тогда передо мной и начала раскрываться вся ее магическая прелесть.

Еще до недавнего времени, до того, как в нашу повседневную жизнь прочно вошел телевизор, театр в Китае был главным культурным центром для всех слоев населения. И это отнюдь не пустые слова! Спектакли требовали от зрителей (из которых немалая часть была неграмотна) знания истории и даже классической литературы, без чего понять короткий исторический эпизод или отрывок из романа было бы невозможно. С другой стороны, технический прогресс со своей индустрией развлечения, лишив Пекинскую оперу изрядной части публики, сделал определенный вклад и в ее сохранение. Сейчас выпускается множество записей на CD и DVD, реставрируются уникальные архивные аудио- и видеоматериалы. А на Центральном Всекитайском телевидении даже есть отдельный канал, специализирующийся сугубо на театральном жанре, в первую очередь, Пекинской опере.

Для большей экзотики можно побывать на спектакле в стенах традиционного театра. Здесь, как и в любом другом китайском театре недалекого прошлого, зрители, наслаждаясь прекрасным исполнением, сидят за столиками и вкушают ароматный чай. Зеленый. Нередко жасминовый. И это абсолютно не мешает восприятию оперы, как кому-то может показаться. Такую активную публику, которая приходит на спектакли Пекинской оперы, в нашей стране увидишь, разве что, на спортивных аренах и эстрадных концертах. Все происходящее на сцене влечет за собой непосредственную реакцию со стороны китайских зрителей. Невольно возникают ассоциации с давно минувшей традицией забрасывать артистов либо цветами, либо тухлыми помидорами. Конечно, такие бесчинства на китайской сцене не встретишь, но бурные аплодисменты и многоголосные возгласы «Хао!» (что в переводе означает «хорошо!») в середине арии после очередной сложной фиоритуры, продолжают сотрясать стены их театров и сегодня.

Поэтому неудивителен факт, что Пекинская опера до сих пор остается народным театром. Ну, где у нас видано, чтобы простой люд, не обремененный любовью к искусству, ходил слушать оперу? А в Китае отыскать человека, равнодушного к театру достаточно проблематично. Причем, зрители Пекинской оперы в своей массе — совсем не профессионалы, они просто большие любители. Их много. Их огромные толпы, которые можно встретить даже в... городских парках. Там, в типично китайских открытых беседках под аккомпанемент инструментального ансамбля ими исполняются любимые арии. Причем, не ради заработка, а для души, из любви к искусств». Вот уж действительно, Восток — дело тонкое...

Туяна Будаева,
студентка IV курса

На снимке: Ву Дан

ЗИМОЙ ОБ «ОСЕНИ»

В последнее время нередко слышишь в кругах профессиональных музыкантов небрежно брошенные с высоты их слухового и интеллектуального воспитания реплики: «Московская осень» уже давно потеряла свою актуальность и свежесть. Вот лет двадцать назад ...».

Действительно, современного слушателя, а тем более столичного, сейчас трудно чем-то удивить. Сотни концертных залов, столько же концертных программ в день. Мировые знаменитости, толпами приезжающие в Москву по приглашению шустрых столичных менеджеров. Как только в Европе или Америке появляется нечто (причем не важно, какого оно качества, - главное, чтобы был спрос!), все те же менеджеры преподнесут это нечто избалованному московскому слушателю на блюдечке с голубой каемочкой (непременно заломив безумную цену за это «блюдечко»). И разрекламируют, и привезут новоиспеченную «звезду», и устроят ей концерт в самом престижном зале (соответствие «звезды» статусу зала отнюдь не обязательно!), и заплатят баснословный гонорар, и журналистов в обиде не оставят — дадут им возможность лишний раз поупражняться в критике. И все это для любимого слушателя (в том числе и самая нелицеприятная критика в адрес «лучшего в мире перфоманса», судя по рекламе, на который слушатель сходил, поддавшись на пресловутый PR).

Тут тебе и фестивали, и форумы, и конкурсы. Слушай — не хочу! А слушатель как избалованное дитя начинает капризничать, да еще и нос воротит: авангард ему окончательно приелся, а традиционализм утомляет! Разве странно, что на этом фоне «Московская осень» с ее 26-летней историей выглядит, мягко говоря, «неактуально» и «бледновато»?

Признаться, именно с такими мыслями и стойким чувством скептицизма я отправилась на один из концертов фестиваля в Дом композиторов. По началу все выглядело до обиды предсказуемо: в зале — студенты, члены Союза композиторов, несколько бабушек, помнивших, видимо, еще первую «Московскую осень». У входа — еще две бабушки: одна продает билеты на концерты фестиваля, а вторая — пропускает на один из них всех желающих («Можете даже не показывать мне свои корочки!»). Но после третьего звонка предсказуемость вдруг исчезает. Стена скептицизма, отделяющая избалованное восприятие от всего нового, постепенно начинает рушиться. Умелые композиторы словно проводят слушателя по разным странам и эпохам. Здесь и мифологические герои древней Греции («Кеик и Алкиона» А.Кокжаева для двух фортепиано и чтеца), и чарующие звуки японских инструментов («Время цветения хризантем» Т.Смирновой), и рыцарское средневековье (вокальный цикл Ш.Каллоша «Страна улетевших мгновений»), и Испания времен Ф.Г.Лорки («Желтые баллады» И.Арсеева).

В заключение, на осколках слушательского скептицизма, настоящим откровением прозвучал вокальный цикл Б.Печерского «Пять стихотворений И.Бродского». Поэзия Бродского, одна из величайших интеллектуальных вершин лирики XX века, по словам самого композитора, трудно переводима на язык музыки. Печерский блестяще справился с поставленной задачей. Его цикл — это пять миниатюр-зарисовок в различных жанрах вокально-инструментальной музыки. Органично сменяют друг друга философские размышления в неоклассицистской стилистике, речитатив-декламация, романс, разухабистая цыганочка (продолжение традиций «Антиформалистического райка» Шостаковича). А за этими зарисовками скрывается непереносимая боль, трагедии и утраты ушедшей эпохи, острая сатира, временами перерастающая в сарказм... Еще более усилило впечатление великолепное исполнение цикла (Сергей Яковенко (баритон) и автор (фортепиано)).

После финального аккорда старые вопросы встают с еще большей остротой. Значит, не все еще сказано в академической музыке? Значит, она еще способна достучаться до глубин слушательского восприятия? Значит, осталось у фестиваля самое главное — неисчерпаемые и талантливейшие силы, готовые творить еще и еще. Но есть ли у фестиваля со столь богатым прошлым столь же богатое будущее? Найдется ли для него место в нынешней музыкальной действительности? Нужен ли такой фестиваль современному слушателю? Ответ напрашивается сам собой: просто слушатель бывает разный. А избалованного и несознательного, наивно доверяющего рекламе слушателя можно и нужно привлекать к вещам, действительно достойным его внимания.

Назойливая мысль, робко появившаяся при входе в Дом композиторов, намертво засела в голове и не дает покоя вот уже которую неделю: новые времена требуют новых подходов. И к организации многолетнего музыкального фестиваля тоже. Может быть, пора все изменить? А в ответ первый снег заметает яркие краски опавшей листвы, словно следы былого величия московской осени...

Екатерина Лозбенёва,
студентка IV курса

ПЕРВЫЙ БЛИН

В Мариинском театре, под управлением Валерия Гергиева, состоялась премьера Восьмой симфонии Малера. Предполагалось, что это исполнение грандиознейшего произведения великого симфониста станет исключительным событием концертной жизни не только Петербурга, но и всей страны. Однако эти ожидания оправдались лишь отчасти. Тот вариант, который был представлен публике, больше напоминал черновой прогон симфонии, чем выдающееся и безупречное исполнение, которого ждали от прославленного коллектива. Причина этого прозаична: сверхнасыщенный график Мариинского театра позволил Гергиеву провести, кажется, только одну общую репетицию, которая еще продолжалась, когда в театр начали пускать публику. Нужно ли говорить, насколько этого мало для полуторачасовой симфонии, потребовавшей участия не только солистов, хора и обоих оркестров театра (симфонического и сценического), но и двух приглашенных хоровых коллективов?

Поразительно, что при таких обстоятельствах симфония вообще была сыграна. Более того, никак нельзя сказать, что исполнение было плохое, наоборот, некоторые фрагменты звучали великолепно. Зато в других местах музыканты лучшего оркестра России начинали банально расходиться друг с другом. Конечно, Гергиев смог нейтрализовать все подобные погрешности и в который раз показал свое умение держать в руках несколько сотен исполнителей, однако лучше бы эти качества не пришлось демонстрировать столь наглядно.

В целом это исполнение Восьмой симфонии можно охарактеризовать как многообещающее. Гергиев явно не собирается им ограничиваться и есть надежда, что в будущем Восьмая станет не поводом продемонстрировать умение исполнителей работать в экстремальных условиях, а настоящим художественным откровением, какие нередко случаются у Гергиева после нескольких репетиций.

Сергей Михеев
студент IV курса

При перепечатке ссылка обязательна

Адрес: 103871, Москва, Б. Никитская, 13. E-mail: rio@mosconsv.ru
Интернет: http://www.mosconsv.ru/rus/newspaper

Главный редактор проф. Т.А.Курышева
Редактор С.В.Наборщикова
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 10.02.2005
Тираж: 300 экз.